

05
Н 76

НОВЫЙ МИР

4-5

МОСКВА

1940

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Москва, 1940 г.

№ 4—5

Год издания XVI

Печадка:

Портрет В. И. ЛЕНИНА

Стр.

Степан Шипачев — Дворец Советов, стихотворение	3
Алексей Толстой — Хмурое утро, третья часть романа «Хождение по мукам»	4
Владимир Луговской — Стихи о Белорусском фронте	48
Конст. Федин — Санаторий Арктур, роман	50
А. Твардовский — Письмо, стихотворение	121
Вл. Лидин — Дорога на Запад, рассказы	123
Старинные грузинские народные песни, перевод Арсения Тарковского	141
Сергей Крушинский — Теплые горы, роман	143
Джангар — калмыцкий народный эпос, перевод Семена Липкина	194
К. Бадигин — На корабле «Георгий Седов» через Ледовитый океан	208
Иван Меньшиков — Ненецкие рассказы	280
Степан Шипачев — Земля якута, стихотворение	287
И. Экслер — Камчатка	288
Вас. Кудашев — Смышленый заяц, рассказ	313
<hr/>	
Г. Бровман, Ю. Оснос — Ленин и зарождение советского искусства	321
Ник. Асеев — Сила Маяковского	335
Л. Тимофеев — Поэтика Маяковского	343
<hr/>	
А. Пальчунов — Лучистая энергия и война	361

Чкаловская
областная библиотека
читальня № _____

На корабле „Георгий Седов“ через Ледовитый океан

Записки капитана

К. БАДИГИН

КОРАБЛИ ИДУТ НА ВОСТОК

Мне хорошо запомнился погожий вечер 25 июля 1937 года, вечер прощания с Архангельском. Неторопливо солнце Севера, казалось, остановилось над древним городом поморов и щедро дарило его светом и теплом. Косые лучи скользили по темным водам Двины, по мачтам и трубам океанских кораблей, по огромным штабелям только что распиленных досок. Густой запах соснового бора витал над городом, словно говоря каждому приезжему: вот каков я, город лесных богатств, лесопильных заводов и лесного экспорта; меня можно узнать по запаху смолы и свежих опилок, как узнают Астрахань по запаху рыбы, а Баку — по запаху нефти. Высокое, светлое небо подернулось розовыми, прозрачными облаками, и это придавало вечернему пейзажу особенную легкость и нежность.

В такой вечер хорошо посидеть где-нибудь на отлогом берегу Двины, полюбоваться белокрылыми чайками, вспомнить былье морские походы, помечтать о будущем, поговорить с другом,—особенно если ты молод, если ты женился всего месяц назад и если ты глубоко счастлив. Но что делать, если у тебя для этого не остается ни минуты времени, если твой пароход уже отошел от пристани, а тебе еще нужно обегать все портовые учреждения, чтобы оформить судовые документы для

выхода в море и вернуться на пароход уже на катере?

Увы, нам не оставалось ничего другого, как прощаться на бегу. И пока мы ходили из конца в конец набережной, я торопливо, скрепя сердце, убеждал Олю в том, что подруга моряка должна быть терпеливой, что ей придется ждать всего каких-нибудь два месяца до нашей следующей встречи. Гулкие деревянные тротуары прыгали у нас под ногами, прогибаясь, как клавиши, и со стороны мы выглядели, вероятно, довольно комично: сердитый, озабоченный человек в синем кителе с папкой бумаг подмышкой и еле поспевающая за ним раскрасневшаяся и растрепанная юная москвичка, впервые попавшая в порт. Нам же было тогда совсем не до смеха.

Наш «Садко», уходивший в третью высокоскороточную экспедицию к островам Де Лонга, уже маневрировал вдали от берега, разворачиваясь на разные курсы. Там заканчивались последние приготовления к походу, — выверяли магнитный компас, уничтожали девиацию¹. Стройный корабль с широкой трубой, низкими бортами и мощными ледокольными обводами казался издалека изящной игрушкой, брошенной на темнокоричневое сукно Двины.

¹ Девиация — влияние металлических предметов, находящихся на корабле, на показания магнитной стрелки.

Я, как и все садковцы, очень устал за эти дни. Экспедиция собиралась в крайней спешке. На мне помимо прямых обязанностей штурмана и ревизора лежала ответственность за все электронавигационное хозяйство. Нужно было тщательно выверить и подготовить к безотказному действию сложные приборы, — ведь мы уходили в мало исследованные широты, где трудно надеяться только на показания простого магнитного компаса, каким пользовались еще Колумб и Магеллан.

Три дня безумолку жужжал в гирорубке мотор и слышался характерный частый перезвон, — это вращался взад и вперед азимутальный круг гирокомпаса. По несколько раз приходилось опускаться в кочегарку, чтобы проверить в расположенной там особой шахте электролаг Форбса, который позволяет определять пройденный путь, не выпуская за борт длинного линя. Наконец надо было окончательно отрегулировать находившийся в штурманской рубке новейший прибор для измерения глубин — магнито-стрикционный эхолот (он не только измеряет глубину, но и одновременно автоматически записывает ее на специальной ленте).

На борту «Садко» все эти дни творилось нечто, напоминавшее вавилонское столпотворение. Неугомонный и беспокойный Эрист Германович Румке, плотный и не по летам краснощекий старпом¹ корабля, совсем сбился с ног, принимая сотни тонн самых различных грузов.

Лебедки ревели днем и ночью. Поминутно слышались «майна», «вира». Непрерывно поднимали ящики, тюки, бочки с лаконическими надписями: «Садко» — высокоширотная экспедиция, «Садко» — Генриэтта. Чего только здесь не было! Высокоширотная экспедиция обладала огромным имуществом. Вслед за тюками меховой одежды на борт поднимали тяжелый ящик с глубоководной лебедкой. Керосиновые лампы чередовались с рыбными консервами, шоколад грузили вслед за мылом. Звероловные капканы, ящики спичек, папи-

росы, сетки для добывания планктона, бочки с квашеной капустой — все это находило свое место в обширных трюмах корабля.

На далеком скалистом острове Генриэтта, на котором за все время лишь один раз побывал человек (это был Мельвиль, участник трагически погибшей в 1881 году экспедиции Де Лонга), мы должны были оставить зимовщиков. Они везли с собою три разобраных дома, радиостанцию, большие запасы продовольствия, снаряжение и даже... стиральную машину.

Погрузка производилась под аккомпанемент душераздирающего собачьего воя и лая, — зимовщики острова Генриэтта везли с собой около тридцати ездовых собак.

На палубе было так тесно, что с трудом удавалось лавировать среди ящиков, бочек и тюков, ожидающих своей очереди у люков трюмов. Румке, словно вездесущий дух, витал над этим хаосом. Он один мог безошибочно сказать, где и что находится.

Особенно душно и жарко было в машинном отделении. Пахло горелым маслом и паром. По узким машинным трапам то-и-дело пробирался могучий Матвеев Матвеевич Матвеев — «Матвей в кубе», как прозвали весившего 125 килограммов старшего механика бойкие на языке садковцы. Бывалый моряк, орденоносец, участник легендарного похода «Сибирякова», «Матвей в кубе», как всегда, педантично проверял готовность машин к походу. Ни на час не отходил от котлов молодой механик комсомолец Николай Розов. Этот худощавый, стройный юноша отвечал за все котельное хозяйство и очень гордился порученным ему делом. Механик Георгий Гаршин и старший машинист Сергей Токарев, наверно, в десятый раз проверили каждую деталь механизмов.

В машине спокойно ждали сигнала: «Полный вперед».

В день отхода корабля по трапу поднялась шумная гурьба участников экспедиции и будущих зимовщиков Генриэтты. Здесь были люди самых различных специальностей — гидрологи,

¹ Старший помощник капитана корабля.

Енисейском заливе, пройти проливом Вилькицкого в море Лаптевых и возможно более быстро подняться в высокие широты: надо было спешить с началом экспедиционных работ, так как в восточной части Карского моря и в море Лаптевых складывалась неблагоприятная ледовая обстановка.

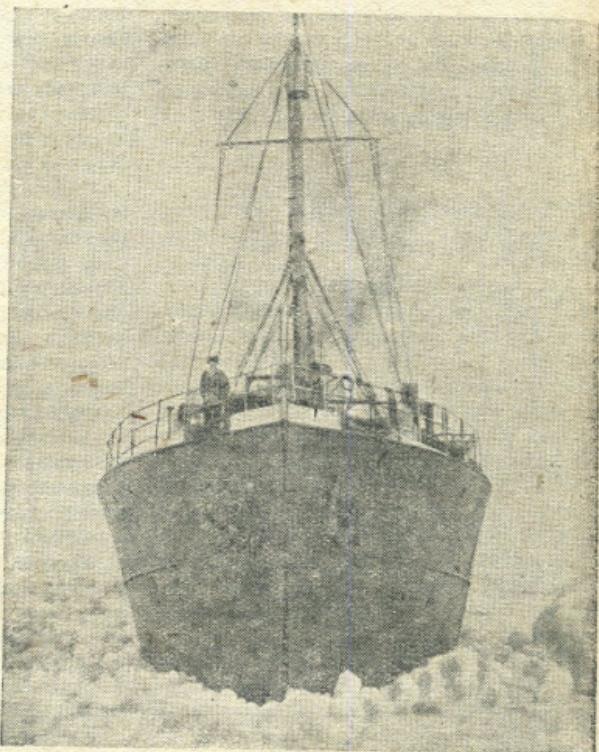
Но наше продвижение на восток неожиданно замедлилось: «Садко» предложили проводить во льдах двух попутчиков — пароходы «Беломорканал» и «Ванцетти» — до встречи с ледоколом «Ермак».

Назавтра же, как только наш импровизированный караван приблизился к шхерам Минина, навигационные условия резко ухудшились. Суда попали в торосистый крупно-битый лед мощностью 8 баллов¹. Нанесло густой туман. С севера подул крепкий ветер, грозивший прижать дрейфующими льдами наш маломощный караван к берегу. Вначале все три судна еще кое-как двигались, пытаясь пройти севернее острова Вардропер в 10—12 милях. Но к концу дня в густом тумане суда вошли в сплоченный лед, и «Садко» вынужден был оставить своих спутников, чтобы поискать более свободный проход.

Мы двигались в самых различных направлениях, пробиваясь то на юг, то на юго-восток, то на восток, то на северо-восток, то, наконец, на северо-запад. Всюду преграждали нам путь сплоченные льды, недоступные для проводки слабых грузовых судов. Пришлось вернуться к ним и остановиться в ожи-

дании, пока не улучшится видимость.

Утро 6 августа не принесло ничего утешительного. Попрежнему стоял туман. Вокруг нас белели льды. Но в

«Садко» в проливе Вилькицкого.

Фото Арктического института.

16 часов мы неожиданно приняли радиограмму от парохода «Искра», который сообщал, что он находится почти рядом с нами, лишь немного южнее, и без особых затруднений самостоятельно движется разреженным льдом к проливу Вилькицкого. Насколько различны бывают ледовые условия на самых близких расстояниях!

«Садко» повел своих спутников на юго-запад, чтобы они смогли присоединиться к «Искре». Вскоре, действительно, мы встретили разреженный лед и

¹ Моряки оценивают количество льдов по десятибалльной системе. Лед 8 баллов означает, что участок моря равномерно покрыт льдом приблизительно на 80 проц. его площади.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская. 20; тел. для справок: (3532) 60-61-30